

УДК 006.033:65.012.8(1-773)

Маштаков А.И., к.э.н., ДальГАУ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Наличие эмпирического материала, достаточного для систематизации и трансформации его в направлении научной типологизации и абстракции, дает основание полагать, что может быть достигнут позитивный результат в научном познании региональных экономических систем, формирования их устойчивого развития и экономической безопасности. Диапазон суждений о типологии элементов, составляющих региональную экономическую систему, расширяется по мере развития представлений об их возможностях перестраивать деятельность и взаимодействие социально-экономических объектов в интересах обретения устойчивости.

Mashtakov A.I., Cand.Econ.Sci. FESAU

THEORETICAL BASES OF RESEARCH OF REGIONAL ASPECTS OF SAFETY OF ECONOMIC SYSTEMS AND THEIR INFLUENCE ON MAINTENANCE OF THE SUSTAINABLE REGION DEVELOPMENT

Presence of empirical material, sufficient for ordering and its transformation in direction of scientific typologization and abstractions, suggests that the positive result in scientific knowledge of regional economic systems, formations of their sustainable development and economic safety can be reached. The range of judgements about typology of the elements making up the regional economic system, extends in process of development of idea about their possibilities to reconstruct activity and interaction of social and economic objects in interests of stability acquisition.

Наука начинается с идентификации понятий и категорий, которыми необходимо оперировать и использование которых позволяет сделать методологию действенным инструментом управления развитием. Существуют и такие системы, идентификационный аспект которых сопряжен с многовариантностью и множественностью представлений о состояниях и свойствах составляющих их элементов и связей. Совершенствование методологии сравнительного исследования региональных экономических систем и обеспечения их экономической безопасности, базирующееся на новом знании о происходящих в них процессах, может быть реализовано достаточно успешно, если будут вскрыты сущностные характеристики этих вновь наблюдаемых процессов и явлений и использован качественно новый понятийный аппарат. Наличие эмпирического материала, достаточного для систематизации и трансформации его в направлении научной типологизации и абстракции, дает основание полагать, что может быть достигнут позитивный результат в научном познании региональных экономических систем, формирования их устойчивого развития и экономической безопасности. Диапазон суждений о типологии элементов, составляющих региональную экономическую систему, расширяется по мере развития представлений об их возможностях

перестраивать деятельность и взаимодействие социально-экономических объектов в интересах обретения устойчивости. Взаимобусловленность их институционального построения определяется той мотивационной базой, которая как фундамент поддерживает всю общественную конструкцию и включает набор базисных, защитных и дополнительных норм, вспомогательных поддерживающих норм, ценностей и когнитивных норм, обеспечивающих устойчивость социально экономической системы и взаимоотношений с элементами обретения устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности. Формирование устойчивой региональной социально-экономической системы в совокупности с обеспечением её экономической безопасности должно базироваться на принципах устойчивого развития, основными из которых являются: 1) качество жизни: обеспечение достоинства и свободы личности; ориентация всех структур на принцип: человек – цель прогресса, а уровень его развития мера зрелости общества, его социально-экономической политики; 2) гарантированное здоровье населения и демографическое благополучие общества: государственное содействие повышению уровня рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства; 3) удовлетворение основных жизненных потребностей как насе-

ления, так и будущих поколений: совершенствование систем управления, политических механизмов принятия и реализации решений, приоритетное развитие систем здравоохранения, образования, науки, культуры – важнейших сфер духовной жизни общества, факторов долгосрочного роста производительной, творческой активности народа; 4) повышение уровня благосостояния общества: борьба с бедностью, изменение структуры потребления; 5) использование рациональных структур производства и потребления: повышение скоординированности и эффективности деятельности государства, бизнеса и гражданского общества; переход на природоохранный, ресурсосберегающий, инновационный тип развития экономики; 6) рациональное природопользование: нерасточительное расходование возобновляемых и максимально возможное уменьшение потребления не возобновляемых ресурсов, расширение использования вторичных ресурсов; 7) обеспечение экологической безопасности: усиление взаимосвязи экономики и экологии, формирование экологически ориентированных отраслей хозяйственной деятельности, экологизация мировоззрения человека с учетом новых общечеловеческих ценностей,

Начнем с характеристики существующих подходов, которые позволяют нам приблизиться к пониманию тех категорий и решений, которые предопределяют собственно понятие региональной экономической системы, её устойчивого развития и экономической безопасности и выбор форм развития конкретных региональных систем на определенном отрезке времени. Каждый период такого развития формирует представление о системе и о том, как необходимо влиять на это развитие и обеспечение. Известны три наиболее фундаментальных теоретических подхода к исследованию экономического процесса: *хозяйственно-отраслевой, формационный и цивилизационный*. Первый был изложен в трудах немецких экономистов *Ф. Листа, В Рошера, Б. Гильденбранда, Г. Шмоллера* и *К. Бюхера*. Опираясь на данный подход, они выдвинули и теоретически обосновали разные схемы динамики хозяйственной жизни. Наиболее интересна схема *К. Бюхера*. Она базируется на общеметодологических принципах экономического исследования, выработанных исторической школой. В политической экономии эта школа рассматривала современный хозяйственный строй как определенную фазу хозяйственной эволюции. Эта школа отказалась «признать за экономическими законами характер естественных законов, оставляя за ними лишь значение законов

социальных, действие которых и может, и должно быть видоизменено законодательством» [9, С. 2]. Отождествляя экономические законы с социальными и правовыми законами, представители этой школы пытались превратить политическую экономию в учение о законах экономического развития, в то время как приверженцы смитовского направления стремились «постигать законы современной народнохозяйственной жизни» [Там же, С. 2-3]. Сравнить между собой два хозяйства и выявить отличия между ними можно только в общеисторическом контексте, если провести анализ экономических явлений прошлого и сопоставить их с современными. Подобный подход позволяет «установить хозяйственные ступени исторического развития» [Там же, С. 6]. Однако установление таких хозяйственных ступеней – трудное дело в методологическом отношении. Данный подход применим для системы в целом и должен отражать ее конкретно-историческую специфику. Он не применим для переходных экономик в условиях экономического кризиса, для которых характерна неопределенность и незрелость явлений и процессов. *К. Бюхер* считал, что только таким путем возможно постичь «типические черты, или скажем прямо – найти законы развития» [Там же, С. 6]. Критикуя *Ф. Листа* и *Б. Гильденбранда*, он отмечал один общий недостаток предложенных ими схем хозяйственного развития: «они не проникают в сущность вещей, а скользят по поверхности» [Там же, С.6]. Основным критерием классификации ступеней хозяйственного развития общества *К. Бюхер* считал характер связи между производством и потреблением. Предложенная им схема пользовалась популярностью и была представлена широко как в зарубежной, так и отечественной дореволюционной политико-экономической литературе [18, С. 58-72; 64, С. 15-20; 78, С. 14-15; 186, С. 104-122].

Российские экономисты, критически воспринимая предложенный подход, предложили несколько иной вариант решения рассматриваемой проблемы. *П.П. Маслов* выдвинул свою периодизацию хозяйственной динамики, в которой для первой ступени было характерно развитие труда только внутри хозяйства; для второй – производство для потребителя из готового материала; для третьей – производство – на заказ; для четвертой – производство на скупщика, на хозяина сдельно, мануфактура; для пятого – фабрика [26, С. 223-232]. Более совершенную схему, по его мнению, предложил *И.М. Кулишер*. Она дополняла классификацию *К. Бюхера* и включала следующие пе-

риоды хозяйственной жизни: 1) первобытное хозяйство, или общинное, племенное, коммунистическое хозяйство; 2) замкнутое домашнее хозяйство, в котором в качестве основной хозяйственной единицы выступает крестьянский двор, образуется поместье; 3) самодовлеющее городское хозяйство, в котором господствует обмен, город вместе с окрестными деревнями образуют нечто цельное в хозяйственном отношении; 4) народное хозяйство, в котором движение продуктов от производителя к потребителю существенно усложняется, появляется посредник-торговец; 5) мировое или международное хозяйство, при котором обмен выходит за пределы данного государства, торговля охватывает весь мир, развивается инфраструктура, господствующим становится фабрично-заводское производство (становление периода капитализма) [23, С. 8-10]. Эта схема более полно отражает многообразие историко-экономического процесса.

Второй подход – *формационный*. В его основе лежит формационная теория, базирующаяся на материалистическом понимании истории, которое «имело, прежде всего, методологическое значение» [32, С. 146]. Суть его в том, что материалистический подход позволяет подойти к изучению общества как естественно историческому процессу и позволяет рассматривать общественные явления с точки зрения причин возникновения, общих и специфических законов развития, всеобщей взаимосвязи и с учетом условий последующего отмирания. Критерии исследования ступеней историко-экономического процесса при таком подходе следующие: 1) определяющая роль принадлежит производительным силам и их важнейшему компоненту – средствам труда: «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда» [25, - Т.23. - С. 191]; 2) социально-экономическая сущность производства: «каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами...особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» [Там же. – Т. 24. – С. 43-44]. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям ... вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну..., скрытую основу всего общественного строя...» [Там же. – Т. 25. – Ч.II. – С. 354]; 3) конкретно-исторический характер производственных отношений: «античное общество, феодальное общество, буржуазное

общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества» [Там же. – Т.6. – С.442]; 4) классовая дифференциация общества, покоящаяся на различных формах собственности; 5) социально-экономическая форма прибавочного труда, выжимаемого из непосредственного производителя; 6) исторически определенные формы социальной эксплуатации: «рабство – первая форма эксплуатации ... за ним следует крепостничество ...наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для великих эпох цивилизации...» [Там же. – Т.21. – С. 175]; 7) характер межличностных отношений, свойственных трем ступеням развития человеческого общества: отношения личной зависимости; личная зависимость, основанная на вещной зависимости; свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние; 8) отличительные черты и этапы, характерные для последовательно сменяющихся друг друга общественных формаций; 9) место данной общественной формации в историко-экономическом процессе; 10) коммунистический способ производства как действительная ступень и свободная ассоциация в истории человечества.

Вышеуказанные критерии периодизации историко-экономического процесса экономистами трактуются неоднозначно. Отправным моментом являются в рамках тех или иных точек зрения разграничение понятий «общественная формация» и «экономическая общественная формация». Известна, например, позиция *В.Л. Иноземцева*, которая состоит в том, что он, с одной стороны, разграничивает понятия «общественная формация» и «экономическая общественная формация», а с другой – отождествляет эти понятия (как характеризующие определенную ступень общественной эволюции) [21, С. 136-137]. В свою очередь, *Н.В. Сычев*, высказывает мнение, что вряд ли можно согласиться с подобной трактовкой формационной теории, поскольку она ошибочна по существу. Причина в том, что не раскрывается качественное содержание данных понятий. Анализ формационных критериев позволяет сделать вывод о том, что основоположники марксизма не подразделяли ступени всемирно-исторического процесса на экономические и неэкономические: подобный подход противоречит сути диалектико-

материалистического понимания истории [33, С. 100]. В соответствии с этим, они употребляли и понятия «общественная формация» и «экономическая общественная формация». По мнению многих исследователей, между ними «нет четко выраженного различия, хотя и намечается некоторая дифференциация (общественно-экономическая формация – совокупность производственных отношений, общественная формация – совокупность всех общественных отношений)» [37, С. 10]. Отметим, что формационный подход не претендует на всеобъемлющее объяснение многообразия исторического процесса во всей его конкретности. Он позволяет исследовать глубинный уровень развития общества как естественно исторического процесса, наиболее общие стадии, имеющие характер достаточной зрелости форм своего выражения. Однако развитие общества имеет не только глубинный, формационный уровень – уровень его движения от одного способа производства к другому, но и другой уровень – «уровень взаимодействия социальных организмов в пространстве и во времени» [20, С. 76]. На первом уровне законом развития человеческого общества является необратимость, а на втором – неравномерность. Отсюда и противоречивый характер движения обществ от одной формации к другой – на разных этапах в авангарде прогресса идут различные экономические системы. Видимо, и движущими силами в этих системах могут являться разные социальные силы. Но в рамках формационного подхода нет достаточно четко ответа на этот вопрос.

Таким образом, формационный подход имеет свою нишу и свое видение процессов социально-экономического развития. До начала 90-х годов XX в. он был господствующим в отечественной науке и среди тех, что сохранил преданность марксистской идее. Позже он стал подвергаться критике. К числу его недостатков стали относить: абсолютизацию экономической основы структуры общества; недооценку системообразующего значения нематериально-экономических факторов (политических, культурологических, этнических и др.); жесткость формационно-структурных связей, их слабую вариантность к конкретным условиям и этапам развития исторических эпох, стран, регионов; тенденцию подгонки той или иной формационной структуры к конкретному обществу, а также приспособление формационных схем под его особенности; противопоставление формационной структуры иным моделям структуры общества как идеалистическим и ошибочным [2, С. 214-215]. Падение интереса

к марксизму в конце XX в. привело к тому, что научный статус формационного подхода несколько снизился как в России, так и за рубежом. Причины – кризис мировой социалистической системы, развал СССР, утрата марксизмом имиджа идеологии правящих партий. Но это лишь часть видимого «айсберга» угасающего влияния формационного подхода. Другая его часть отягощена утратой доверия к представлению о том, что догматическая версия формационного подхода о наличии только пяти формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и коммунистической) способна противостоять реалиям общественно-экономического развития. Появление форм и состояний обществ южно-азиатских, североамериканских и других делают спорным такое деление. Формационный подход, не отвергая противоречивости социально-экономического развития, остается инертен к интеграции иных моделей исторической эволюции и неадекватен к оценке движущих сил развития в условиях многогранности проявления противоречий между содержанием и формой общественного процесса. Сложным вопросом остается деление структуры экономической системы на производительные силы, производственные отношения (базис) и надстройку. Ответить на это убедительно, оспорив или доказав иное, можно, если оценить происходящие процессы с позиций того прогрессивно нового, что может быть использовано: 1) в рамках иного представления об единении теорий и 2) на стыке существующих теорий в области природы, экономики, истории, социологии, психологии, менеджмента, культурологии и др. Именно на междисциплинарном стыке следует исследовать и рассматривать экономические процессы в развивающихся системах.

Перейдем к анализу *цивилизационной* теории, которая в последнее время получает все большее признание в экономической литературе. Довольно сложной методологической проблемой является определение категориальной сущности понятия «цивилизация». В научной литературе термин «цивилизация» употребляется в различных смыслах: как синоним культуры (*А. Тойнби, В.О. Ключевский*); как заключительная стадия в развитии локальных культур, стадия их деградации и упадка (*О. Шпенглер*); как историческая стадия развития человеческого общества, пришедшая на смену варварству (*Л. Морган, Ф. Энгельс*); как культурно-исторический тип общества (*Н.Я. Данилевский*); как социальная организация общества; как ступень развития того или иного

региона либо этноса (античная, европейская цивилизация, цивилизация инков и т.п.); как степень хозяйственного развития общества (аграрная, индустриальная, постиндустриальная цивилизации); как степень в развитии духовной жизни общества, связанная с влиянием определенной религии (христианская, буддийская и мусульманская цивилизации) [33, С. 104-105]. Цивилизационный подход использует особые критерии определения ступеней историко-экономического процесса. Вместе с тем, в его рамках обнаруживаются различные трактовки сущности экономического процесса, классификации его основных ступеней, интерпретации магистрального вектора эволюции данных ступеней. В частности, в рамках цивилизационного подхода развиваются известные теории: стадий экономического роста *У. Ростоу*, индустриального общества *Дж. Гэлбрейта*, постиндустриального общества *Д. Белла*, супериндустриального общества *О. Тоффлера* и др. Цивилизационная теория, несмотря на усилия по ее выработке, находится в стадии становления. Объясняется это многогранностью предмета исследования, характеризующегося своими специфическими особенностями.

Следует отметить, что цивилизационный подход преобладает в западной науке об обществе в течение всего XX в. и ассоциируется в большей мере с именами *О. Шпенглера* и *А. Тойнби* [38]. Исследователи этого подхода отмечают, что его применение наиболее характерно для исследователей, работающих в парадигме постмодернизма с его принципиальной плюральностью и вседозволенностью [7, С.60]. Это означает право на существование большого множества цивилизаций, а, особенно, подходов к их выделению. Критерием такого выделения является наличие устойчивых культурно-поведенческих стереотипов как продуктов умозрительно отмечаемых, не лишенных четко обозначенных формально-общих черт. Нельзя с этим не согласиться. Но можно отметить, что размытость получаемых представлений о системе есть ни что иное, как результат неопределенности критериев для цивилизационного деления. *А. Тойнби* выделил тенденцию в рамках цивилизационного подхода, определяющую усиление влияния взглядов, обозначающих цивилизацию нового века как наиболее объединенную (всеобщую). Он подчеркивал, что цивилизация XXI в. может стать принципиально единой. Толчком к его такому выводу послужило «падение» устоев социализма и модернистского коммунизма как в Советском Союзе, так и в странах Западной и

Восточной Европы. Но снятие барьера между бывшими социалистическими странами и Западом не означало укрепления полной уверенности в возможности установления единого пространства человеческой цивилизации. Причиной тому является и остается сегодня (в своей наиболее «острой» форме) проявление противостояния христианского и мусульманского миров. Это сегодня проявляется достаточно отчетливо.

В современных условиях популярность цивилизационного подхода в некотором смысле сохраняется благодаря некоему эмпирическому «фону», позволяющему использовать его для выделения сущностных черт и закономерностей в социально-экономическом движении систем к новому качеству. В итоге «общая картина» может быть дополнена учетом специфики и особенностей (социокультурных, политических, демографических и др.) исследуемой конкретной системы. Но в рамках этого подхода не находит ответа вопрос о движущих силах развития, в том числе и для систем, которые переживают этап рыночной трансформации. В связи с этим нельзя не сказать о работах *А. Грамши*, *Д. Лукача*, *Ж.-П. Сартра*, *Р. Арона*, *Дж. К. Гэлбрейта*, *Ф. Броделя*, а также *В.А. Вазюлина*, *А.В. Бугалина*, *А.И. Колганова* и др. отечественных неортодоксальных марксистов, внесших свое видение в адаптацию цивилизационного подхода в рамках метатеории о формировании и описании метасистемы, претерпевающей трансформацию и подвергающейся развитию в заданном интервале времени [1, 6, 8, 10, 15, 17, 31, 44]. Российскими учеными ведется разработка новой парадигмы историко-экономического процесса по трем основным направлениям: всесторонне использование категориально-понятийного аппарата и структурной схемы формационного подхода для дальнейшей разработки цивилизационной теории [42, С.53-70]; выработка принципиально иной концепции [36, С. 59-70]; сопряжение позитивных элементов формационной и цивилизационной теории [40, С. 12-18]. Подобные попытки можно считать целесообразными. Это обусловлено потребностями развивающегося общества и необходимостью объективизации состояния системы на всех этапах исторического процесса. Обобщающий вывод таков: формационный ряд отображает движение одного способа производства к другому, то есть от одной формации к другой; цивилизационный - отображает движение от одного социума к другому или от одной цивилизации к другой. Единение этих подходов создают воз-

возможности для описания многообразия социально-экономического прогресса, но не в полной мере идентифицируют состояние развивающейся экономической системы в условиях экономического кризиса.

Исследование региональной экономической системы невозможно без понимания взаимообусловленности параметров экономической безопасности и её устойчивого развития. Подходы к обеспечению устойчивого экономического роста должны включать в себя совокупность приёмов и методов воздействия на объекты регулирования в экономической и социальной сферах регионального развития, составляющих суть обеспечения экономической безопасности. В настоящее время наиболее применимым, в области обеспечения безопасности экономических систем, является подход, позволяющий, на основе анализа и прогноза её состояния и развития, принудительно воздействовать на элементы системы. Для оценки уровня экономической безопасности применяется ряд параметров (индикаторов) локальной социально-экономической системы. При этом функция обеспечения экономической безопасности системы реконструируется при помощи мер государственного воздействия на отдельные звенья, отражающие её социальные и экономические процессы. Одним из первых в научный оборот понятие индикативного планирования обеспечения безопасности экономических систем ввел член-корреспондент РАН С. Глазьев [12, 13]. Сущность подхода заключается в том, что первоначально определяется система количественных показателей (индикаторов) экономической безопасности, которые обозначают степень воздействия угроз экономической безопасности на социально-экономическое состояние системы. 22 индикатора безопасности экономической системы приняты на основе официально утвержденного Советом безопасности РФ перечня показателей социально-экономической жизни России. На следующем этапе, на основе анализа индикаторов экономической безопасности устанавливается величина их пороговых значений. Отклонения от установленных величин считается «критическим» состоянием экономической системы и предопределяет разработку мер для выхода из кризиса. Изложенный подход, по мнению авторов, является прогрессивным, и использование его отдельных элементов возможно при анализе экономической безопасности региональных экономических систем. Интересна и сама попытка сформировать некий перечень показателей, позволяющий количественно оценить параметры экономической безо-

пасности системы. Наряду с этим предложенная методика имеет и некоторые недостатки. Спорным является выбор самих показателей для анализа экономической безопасности. Например, статистические данные о доле в населении людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума; о разрыве между доходами 10% самых высокодоходных и 10% самых низкодоходных групп населения; о доле новых видов продукции в продукции машиностроения, о доли импортного продовольствия во всем потреблении продовольствия значительно отличаются от данных экспертных оценок, а статистические данные о доле иностранной валюты в наличной форме, в наличной денежной массе отсутствуют. Использование показателей, не поддающихся объективной оценке, не может обеспечить разработку адекватных мер по стабилизации функционирования экономической системы. В полной мере не отражают объективную реальность использованные величины пороговых значений. По нашему мнению, они должны быть величинами, напрямую увязанными с конкретными точками роста экономической системы, позволяющими ликвидировать возникающие угрозы безопасности и обеспечивающие устойчивое развитие системы. Показателей экономической безопасности представлены в отрыве от имеющегося социально-экономического потенциала общества определяющего в определенной степени функционирование и развитие экономической системы, а выбор предложенных величин пороговых значений показателей экономической безопасности представляется довольно произвольным [39].

Ряд авторов предлагает экспертный подход для определения индикаторов экономической безопасности и их иерархическое социально-экономическое построение [29, 36, 39]. Это позволяет значительно снизить погрешность при выборе индикаторов состояния безопасности экономической системы и в наибольшей мере соответствует диалектике формирования социального направленных экономических систем. В отношении региональных экономических систем, по мнению авторов, данный метод оценки экономической безопасности является наиболее предпочтительным. Он позволяет классифицировать региональные экономические системы по признакам воздействия на элементы, определяющие её социальную составляющую. Применение при использовании данной методики закона Парета, теории аналитических и эллиптических функций Гурвица, свертки и медианы позволяет упорядочить региональные экономические системы по степени экономической безопасности [16, 45]. Симбиоз эмпирического правила оптимизации деятельности

системы, критериев устойчивости, функционального анализа, и ранжирования совокупностей для получения возможного значения признака придают определённую ценность данному подходу с позиции регулятивного воздействия на становление устойчивого развития региональных экономических систем. Вместе с тем в методике не предложен способ комплексной оценки экономической безопасности региона; классификация построена не в совокупности, а по отдельным показателям экономической безопасности, что неминуемо ведет к ошибкам в распределении регионов по группам факторного состояния; не установлены параметры позволяющие определить связь уровня экономической безопасности с классифицирующей факторной группой регионов и её отношение к другим территориям.

Ещё более сложные научные схемы выстраиваются в исследованиях оценки безопасности региональных экономических систем [29, 36]. Академик РАН *А. И. Татаркин* предлагает оценивать степень кризиса региональных экономических систем на основе дискриминантного анализа, как средства решения задач «*распознавания образов*» [35]. Дискриминантный анализ вычислительной математики можно отнести к группе методов сегментирования, связанных с реакцией элементов или их откликом. Сегментирование основанное на откликах, предполагает поиск таких сегментов, в которые попадут элементы, с наибольшей вероятностью предпринимающие определённые предпочтительные для системы действия. При этом предикторы измерены по интервальной шкале, а логлинейные модели и алгоритмы построения деревьев предполагают, что переменные являются категориальными или дискретными. Разделение осуществляется с помощью линейной функции, позволяющей обеспечить приращение функции пропорционально приращению аргумента. То есть функция является обобщением прямой пропорциональности. Индикаторы экономической безопасности региона включены в исследование многих переменных с целью определения тех из них, которые наилучшим образом взаимодействуют между собой и сопоставляются с аналогичными показателями цивилизованных стран. Применение теории распознавания образов и инструментов статистики позволяет классифицировать и идентифицировать явления, процессы, сигналы и объекты, которые характеризуются конечным набором свойств и признаков экономической безопасности региональной экономической системы. С позиции политико-регулятивного подхода это позволяет органам законодательной и исполнительной власти са-

мостоятельно определить оценку угроз экономической безопасности и пороговые значения показателей экономической безопасности с учётом особенностей функционирования социально-экономического комплекса своей территории и с учётом полученных значений разработать стратегию её устойчивого развития. Вместе с тем исходные положения методики основаны на анализе района с одним градообразующим предприятием. На практике в большинстве территориально-хозяйственных образований функционирует большое количество хозяйствующих субъектов, зачастую трудно поддающихся сравнению. Отсутствие в предложенной методике компонентов комплексного использования показателей деятельности, находящихся на исследуемой территории субъектов хозяйствования, значительно снижает её ценность в случаях практического использования.

Рассмотрение проблем управления региональными экономическими системами и их безопасности традиционно базируется на социально-экономическом подходе. Разрешение противоречий между взаимоувязанными составляющими регионального развития, социальными и экономическими, позволяет определить инструменты обеспечения экономической безопасности региона и обеспечить поступательный рост его экономики. В условиях экономического кризиса и недостаточной разработанности законодательной базы работодатели пытаются игнорировать интересы человека и общества в целом. Поэтому «именно государство должно воздействовать на предпринимательство, с одной стороны, ограничивая определёнными требованиями его поведение на рынке труда и обеспечивая социальную защиту наиболее уязвимых групп населения», а «с другой стороны создавая условия для более активного вовлечения предпринимательством в трудовую деятельность высвобождающейся рабочей силы», формируя и генерализируя при этом сбалансированные между собой стратегии, позволяющие обеспечить развитие экономики региона [27, С.32]. Безусловно, крайне сложно выработать государственную политику воздействия на механизм управления социально-экономическим развитием региона, сочетающую рынок и социальную справедливость. Разработка и внедрение комплекса социально-экономических воздействий, с применением инструментов макроэкономического регулирования и объективных экономических законов и противоречий, применительно к конкретной временной ситуации, позволяет создать максимально благоприятные условия и для удержания экономики в стабильном состоянии и для обеспечения ее устойчивого роста. «Речь долж-

на идти не о создании государственных механизмов регулирования, а минимум о механизмах, позволяющих регулировать устойчивое развитие групп стран, регионов и в целом мирового хозяйства» [3, С.327].

В 60-е годы немецкий канцлер Л. Эрхард провел в ФРГ экономическую реформу, базируясь на разработанной концепции социального рыночного хозяйства, провозгласив экономическую доктрину государства, исходя из основной цели государства - стремления к всеобщему благосостоянию. Он считал, что «социальная политика - это политика для миллионов людей, а не миллионеров, способных устроиться в жизни без помощи государства» [43, С. 271]. Шведский ученый Г. Мюрдаль стал лауреатом Нобелевской премии предложив регулиующую роль государства в системе законодательных, экономических гарантий для населения. Г. Мюрдаль отмечал, что «самое главное условие развития экономики - стабильность и уверенность в будущем широких масс населения. Нельзя недооценивать этих простых человеческих желаний, поскольку в них скрыт рецепт для хорошего политика» [28, С.27].

Наряду с концепциями и практическими моделями воздействия на развитие социально-ориентированной экономики широко распространены современный институционально-монетарный подход. Наиболее важным механизмом государственного регулирования монетаристы считают кредитно-денежную политику [4, 5, 24 др.] и полагают, что посредством денежной массы можно добиться желаемого изменения капитального дохода в стране. Это в свою очередь оказывает значительное влияние на объем производства и занятость, поэтому ведущим регулятором устойчивости макроэкономики должен быть государственный резервный фонд денег. Все экономические процессы в монетаристской концепции связаны с колебаниями денежной массы и в связи с этим монетаристы считают, что всякий раз, когда правительство попытается повысить уровень занятости, не снижая расходы на другие социальные программы, сразу же появится дефицит денежной массы. Рыночный механизм является одновариантным с точки зрения распределения доходов. Любой доход, полученный в условиях конкурентной борьбы, является справедливым критерием. Однако в любом обществе есть категория населения не способного участвовать в конкурентной борьбе и обеспечивать себе достойное существование. В качестве следующей особенности, относительно к предмету исследования, следует отметить межрегиональную интеграцию и межтерриториальную конкуренцию. Необходимо подчерк-

нуть, что эта особенность становится одной из движущих сил управления развитием. Подтверждением может служить развитие европейских городов в конце 80-х годов. Именно тогда выявилась необходимость в региональных интеграционных процессах, достижении целей развития на фоне относительно стабильного политического и экономического пространства.

В настоящее время происходит объединение усилий многих регионов в совместном решении обострившихся социально-экономических, экологических, инновационных и других проблем, в достижении стабилизации и эффективного социально-экономического развития. Сопредельные регионы начинают совместно решать вопросы рационального размещения производства, углубления специализации и кооперирования, развития производственной и социальной инфраструктуры и др. Развитие межрегиональной интеграции рассматривается как фактор, и в определенной степени, как движущая сила социально-экономического развития регионов. Методологические и концептуальные подходы к межрегиональному сотрудничеству недостаточно обобщены. Формирование институциональной инфраструктуры межрегиональной интеграции носит самоорганизующийся характер. В большинстве публикаций межрегиональное сотрудничество рассматривается на основе рыночных механизмов и конкуренции и не учитывает саморегулирование как особый механизм координации социально-экономической деятельности. По нашему мнению, несмотря на то, что саморегулирование в большей степени относят к функциональному менеджменту, правомерно его относить и к управлению развитием. Конкуренция как основной механизм рынка, имеет своей объективной целевой установкой выполнение следующих функций: привести в исполнение внутренние законы капитала; дать им свободу проявления и возможности развития; трансформировать их в принудительные, навязанные самой сущностью капитала, законы для каждого отдельного собственника, т.е. превратить их во всеобщее и господствующее состояние; обеспечить каждому капиталу реализацию и с его помощью обеспечить воспроизводство данного способа организации экономики. На взгляд ряда исследователей позитивная роль конкуренции заключается в способности повышения качества продукции, снижения ее цены, удовлетворения спроса и др. По мнению других ученых конкуренция никогда не приводит к лучшим результатам, так как погоня за превосходством есть конфликт, сложность и опасность, которые имеют место в межрегиональной конкуренции. *Алфи Кон*, объясняет это тем, что легче всего понять,

почему конкуренция обычно не способствует достижению превосходных результатов, если поймешь, что понятия преуспеть и обогнать других - две разные вещи. [46]. Первая связана с достижением превосходства, вторая - с тем, чтобы доказать несостоятельность другого. Не останавливаясь на негативных и позитивных факторах рыночных механизмов, применительно к управлению региональным развитием, межрегиональную конкуренцию следует рассматривать как определенную силу созидания и процветания. В процессе регионального развития конкуренция не исчезает, она углубляет свое проявление не как механизм подчинения одних территорий другими, а в создании конкурентных преимуществ за счет определенных региональных достижений и набора качественных характеристик экономик, и прежде всего, в области специализации и кооперирования, генерирования новых идей и концепций. Американский ученый У. Изард вывел закон, по существу, объединивший ряд частных теорий развития [19, 22]. Он адаптирует методы макроэкономики для исследований межрегиональных связей, исследует конфликты в региональных системах, разрабатывает модели пространственного равновесия, игры по размещению производств, др. По сути, он связал теорию размещения с теориями производства.

Регионы России отличаются большим разнообразием географических, природно-климатических условий, степенью развития и управления социального и хозяйственного комплекса, состоянием демографии, уровнем потенциала развития. Экономическая самостоятельность и безопасность региональных систем в наибольшей степени зависит от социально-экономического потенциала, размеры и структура которого определяют место региона в территориальном разделении труда, конкурентоспособностью производимых в регионе товаров и услуг, а так же способствуют комплексному социальному и экономическому развитию. Очевидность невозможности разделения социальных и экономических проблем в стратегии развития бесспорна. Экономика, развивающаяся сама по себе, слабо регулируемая государством и основанная только на рыночных интересах, не способна создать надлежащие условия для развития человеческого капитала [11, 14, 24, 41].

Многие государства сегодня модифицировали эти модели общественного развития с учетом требований времени и особенностей своей экономики. Именно современная модель государственного воздействия на социально-экономическое развитие территорий должна определять основные параметры механизма управления и направления трансформационных про-

цессов в регионах. Во-первых, социально-экономические преобразования, проводимые в России и направленные на становление и развитие рыночных отношений, вызывают необходимость пересмотра сложившихся в советское время механизмов командного администрирования, в том числе планового государственного регулирования экономики. Состояние экономики страны и отдельных регионов в определенной степени является следствием кризиса прошлой системы государственного управления, который привел к утрате экономикой таких динамичных характеристик, как устойчивость и сбалансированность. Во-вторых, разнообразие экономической, социальной и этнической ситуации в отдельных регионах страны является особенностью российской экономики. Регионы всегда различаются как размерами экономического потенциала, так и способностью к саморазвитию и обеспечению безопасности своих экономик. В условиях новых экономических отношений это становится особенно заметным. В-третьих, подавляющую часть регионов Российской Федерации можно квалифицировать как отсталые либо депрессивные. Это предопределяет необходимость усиления государственного вмешательства в управление социально-экономическим развитием регионов. Государственное воздействие отнюдь не означает вмешательство в региональные механизмы устойчивого развития, а характеризует внешнюю среду и правовое поле механизма управления. Трансформация формы государственного устройства, идеологии и практики (к примеру - «правовое выравнивание» субъектов РФ, схемы разграничения предметов ведения и полномочий, «единое экономическое пространство», корректирующее логику территориального развития, др.) обуславливает изменения механизма управления региона в направлении обретения им устойчивого экономического роста.

В субъектах России, где постоянно идут процессы реформирования, созидательного процесса по активизации социально-экономического развития регионов не наблюдается. Изменения форм государственного воздействия влечет за собой усложнение процесса государственного управления. Социально-экономическая ситуация в России на текущий момент, характеризуется следующими особенностями, значимыми для механизма управления развитием региона и обеспечения его экономической безопасности: а) политическая и социально-экономическая обстановка в стране нестабильна и сложно прогнозируема; б) процесс рыночного реформирования экономики и создания конкурентной среды не завершен; в) в подавляющем большинстве регионов и муниципальных образований структурообразующие

предприятия находятся в состоянии производственной и финансовой неустойчивости; г) формирование самих муниципальных образований происходит в границах сложившихся административно-территориальных единиц, созданных в свое время без учета экономических возможностей их самостоятельного существования; д) процесс регламентации форм собственности, в том числе на землю как основной ресурс территориального развития, далек от завершения; ж) не сложилась еще система взаимоотношений и эффективного разделения полномочий между субъектами РФ и муниципальными образованиями, входящими в их состав, что увеличивает степень неопределенности, в которой приходится планировать свою деятельность большинству административно-территориальных единиц страны; з) деловая этика в сфере бизнеса не включает понятия «социальная ответственность», что затрудняет взаимопонимание власти и бизнеса, их взаимодействие в определении и реализации перспектив развития региона и его административно-территориальных образований различного ранга. Отмеченные тенденции не создают благоприятных условий управления социально-экономическим развитием регионов и создают угрозы экономической безопасности, поскольку у большинства субъектов территориального управления нет осознанной потребности в стратегическом планировании своего развития, устойчивой мотивации к проведению необходимых прогнозно-аналитических работ.

Автор полагает, что необходимо реализовать подход к экономике региона как явлению сугубо противоречивому, развивающемуся на пути трансформации. Необходимо обратиться к диалектике и ее инструментарию. Обращаясь к диалектическому методу, представляется возможным утверждать, что он может быть обогащен новым категориальным аппаратом и новым видением происходящего, возникающим в результате его применения в сравнительном анализе и при формировании целостной гипотезы экономики в условиях экономического кризиса в пространственно-временном поле по единой совокупности параметров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Мнимый марксизм / пер. с франц. – М.: Прогресс, 1993. – 384 с.
2. Барулин В.С. Социальная философия – Ч.1. – М.: МГУ, 1993. – 336 с.
3. Биле С. Способы измерения благосостояния региона / Пер. с франц. – М.: Дело, 1993. – 423 с.
4. Браунли К. Статистическая теория и методология в науке и технике / пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 407 с.
5. Бугаев В.К. Сравнительный анализ и типология регионов России // Известия СПб. универ. экон. и фин., 1999. – № 2 (18). – С. 119 – 132.
6. Бузгалин В.А. Переходная экономика. – М.: Таурус, 1994. – 472 с.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам) / Учеб. Пособие – М.: Таурус-Альфа, 1997. – 368 с.
8. Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 680 с.
9. Бюхер К. Происхождение народного хозяйства и образование общественных классов. – СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1897. – 91 с.
10. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы истории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 328 с.
11. Валентей С.Д. Развитие общества и теории социальных альтернатив. – М.: ИЭРАН, 1994. – 186 с.
12. Глазьев С. Ключевые аспекты экономической безопасности // Финансовый бизнес, 1996. – № 8. – С. 2-7.
13. Глазьев С. Обеспечение экономической безопасности страны // Российский экономический журнал, 1997. – № 1,2. – С. 3-10, 3-20.
14. Гохберг М.Я. Федеральные округа Российской Федерации. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 355 с.
15. Грамши А. Тюремные тетради. – Ч.1. – М.: Политгиздат, 1991. – 559 с.
16. Гурвиц А., Курант Р. Теория функций. – М.: Наука, 1968. – 648 с.
17. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. – М.: Пресс, 1969. – 412 с.
18. Зелигман Э. Основы политической экономии / Э. Зелигман; Пер. В. Твердохлебова, М. Булатова. – СПб.: Тип. «Т-ва Обществ. польза», 1908. – 579 с.
19. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.
20. Исторический материализм как социально-философская теория. – М.: Высш. школа, 1982. – 364 с.
21. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. – М.: Таурус, Век, 1995. – 336 с.
22. Карлин С. Математические методы в теории игр в программировании и экономике. – М.: Радио и связь, 1992. – 168 с.
23. Кулишер И.М. Политическая экономия. Популярный курс: Пособие для прохождения политической экономии в коммерческих училищах и для самообразования. – СПб.: Просвещение, 1914. – 332 с.
24. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика / Пер. с нем. – М.: Дело, 1993. – 252 с.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 6; 21; 23; 24; 25.
26. Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую

- экономии. – СПб.: Тип. «В. Безобразова и К», 1910. – 379 с.
27. Микульский К. Формирование новой модели занятости // *Экономист*, 1997. – № 3. С.47-52.
28. Мюндаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – 316 с.
29. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность): Учебно-практическое пособие / Под ред. Олейникова Е. А. – М.: Бизнес-школа, Интел-Синтез, 1997. – 278 с.
30. Предпринимательство и рынок труда: учеб. пособие для вузов / Р.Л. Агабекян, М.Б. Щепакин, М.М. Щепакин. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 352 с.
31. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т.1. – М.: Феникс, 1992. – 448 с.
32. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
33. Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. – М.: ВИУ, 1999. – 318 с.
35. Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А., Чуканов В.Н., Яковлев В.И., Козицын А.А. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 240 с.
36. Татаркин А., Романова О., Куклин А., Яковлев В. Экономическая безопасность как объект регионального исследования // *Вопросы экономики*, 1996. – № 6. – С. 78-89.
37. Теория общественно-экономической формации. – М.: Наука, 1982.
38. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
39. Шиллер Ф., А. Жандаров, Е. Никитина Экономическая безопасность России: региональный уровень // *Вопросы статистики*, 1995. – №3.
40. Шишков Ю. Давайте разберемся // *МЭиМО*, 1991. – № 5.
41. Эволюционный подход к переходной экономике / Под ред. Л.И. Абалкина. – М.: ИЭ РАН, ЦЭМИ РАН, 1995. – 706 с.
42. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М.: Вла-Дар, 1985. – 461 с.
43. Яковец Ю.Ф. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. – 444 с.
44. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
45. Pareto V. *Traiffi de sociologie gimurale* // Pareto V. *Oeuvres complntes*. Geimve, 1968. Т. XII–2000 p.
46. Kohn, A. *No Contest: The case against competition*. Boston, Houghton Mifflin, 1986 – 198 p.